

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: ablazhey@philosophy.nsc.ru

КОНЦЕПЦИЯ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ НАУКИ В ЗАПАДНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ *

Проанализированы ключевые моменты неолитерализма как политической экономики и идеологии, получивших приоритетное развитие в странах Запада в последней четверти XX в. На основе изучения новейших исследований западных социальных мыслителей осуществлена оценка узловых элементов модели науки, обусловленной неолитерализмом. Сделан вывод, что налицо явно выраженный конфликт классической (мертоновской) и неолитеральной концепций науки.

Ключевые слова: неолитерализм, наука, коммерциализация, трансформация.

Термин «неолитерализм» сегодня, пожалуй, не менее популярен, чем «глобализация». Правда, относится это в первую очередь к социальным исследованиям западных ученых; что касается отечественной исследовательской традиции, для нее подобная практика пока еще мало характерна. В еще большей степени это касается употребления термина «неолитерализм» и рассмотрения трансформации социального института науки сообразно неолитеральной повестке дня применительно к российским науковедом, что не позволяет им вступать в плодотворный диалог с зарубежными коллегами. Исходя из этого факта, задача настоящей статьи заключается в осуществлении краткого экскурса в историю самого термина и характеристике узловых пунктов неолитеральной доктрины. Далее детально остановимся на сложившихся подходах в социальных исследованиях науки (в зарубежной традиции обычно включаемых в обширный круг исследований науки и технологий –

Science and Technology Studies (STS) в контексте неолитеральной идеологии и социальной практики).

В современных социальных исследованиях термин «неолитерализм» обычно используется для описания доктрины, доминирующей в развитых странах в последней четверти XX в. и включающей в себя набор политических, экономических и идеологических шагов. Сам термин начал использоваться в 1930–1940-х гг. в ситуации, когда чрезвычайное усиление тоталитарных режимов, прежде всего в Европе, сделало классический либеральный проект, по сути, маргинальным. В 1938 г. в ходе встречи в Париже ряда либеральных интеллектуалов – в первую очередь следует назвать имена Фридриха Августа фон Хайека (Friedrich August von Hayek), Людвиг фон Мизеса (Ludwig von Mises) и Вильгельма Ропке (Wilhelm Ropke), – было отмечено, что росту этатизма и усилению плановой экономики необходимо противопоставить новый

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», направление 6 «Институциональные изменения в отечественной и мировой науках и в научной политике (конец XX – начало XXI в.)». Проект «Неолитеральная трансформация науки: сравнительный анализ российского и зарубежного опыта».

либеральный проект, который бы восстановил ценности индивидуализма и экономической свободы, «находящиеся в осаде». Вскоре (1944 г.) выходит знаменитый трактат Ф. фон Хайека «Дорога к рабству», проникнутый антиколлективистским духом; в 1947 г. в целях дальнейшего распространения неолиберальной мысли организуется «Общество Мон Пелерин» (Mont Pelerin Society), ставшее, по сути, международным мозговым центром направления, среди членов которого можно увидеть имена Карла Поппера и Майкла Поланьи. Члены Общества развивали краеугольные принципы неолиберализма, обсуждая разнообразные вопросы – от публичных университетов до нормативно-правовой базы, и их образ мыслей постепенно стал доминировать во многих влиятельных интеллектуальных центрах, от Чикагской школы экономики до Фонда наследия, Манхэттэнского института и Института Джорджа Маршалла, а также международных финансовых структурах. Однако неолиберальная программа оставалась в тени доминировавшей со времен реформ Рузвельта кейнсианской экономической модели вплоть до начала 1970-х гг., когда в условиях начавшегося экономического кризиса неолиберальная мысль получила шанс на более широкое распространение.

Под неолиберализмом сегодня обычно понимают некоторую палитру школ и направлений, наиболее заметными из которых являются австрийская школа экономики, ассоциирующаяся с экономистами Ф. фон Хайеком и Л. фон Мизесом; Чикагская школа, находящаяся под сильным влиянием доктрины монетаризма Милтона Фридмана; немецкие *Ordo*-либералы (правоверные либералы), которые занимали центральное место в строительстве послевоенной экономики Германии. Несмотря на разнообразие традиций, большинство неолибералов разделяют основные ключевые положения, такие как методологический индивидуализм, скептицизм относительно централизованного государственного планирования, а также веру в значительную эффективность рынка. Неолиберальная мысль основана на классической либеральной традиции, связанной с шотландским Просвещением, и, в частности, на критике Адамом Смитом меркантилизма в работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.),

трансформировавшейся в XX в. в критику кейнсианской – интервенционистской, т. е. основанной на необходимости вмешательства государства – экономической парадигмы. Ключ к пониманию неолиберальных теорий – скептицизм в отношении способности государственных структур знать и, следовательно, претендовать на непосредственное вмешательство в экономическую жизнь. Ф. фон Хайек, например, основывал свою критику на постулате об ограниченности человеческого разума и его подверженности ошибкам и, как следствие, ограниченности наших знаний об обществе в целом. По Хайеку, из этого следует вывод о невмешательстве государства в экономическую сферу и необходимости поощрения доверия, основанного, напротив, на «спонтанном порядке», построенном на основе практических форм познания. Рынок, по Хайеку, является одновременно и *испытанием*, и *институтом коррекции* для эволюционного развития порядка в обществе. В то же время, в отличие от классической либеральной традиции, которая рассматривает рынок как натуральную сущность, руководимую «невидимой рукой», неолиберальные мыслители полагали, что без государства не обойтись и его роль должна заключаться в создании благоприятных условий для развития свободного рынка и предотвращении монополизации экономики. Они доказывали, что их политическая программа достигнет триумфа только в случае *целенаправленного создания условий* для ее реализации, успех невозможен «естественным образом». Вследствие этого сформулирована неолиберальная концепция роли государства: оно должно быть сильным, для чего его нужно освободить от «ненужных» социальных обременений.

Неолиберальные идеи начали претворяться в практику в начале 1970-х гг., когда экономический кризис поставил под сомнение основные положения кейнсианской парадигмы и заставил переосмыслить общепризнанные идеи, касающиеся взаимоотношений между государством и экономикой. Начиная с неолиберальных экспериментов в Чили середины 1970-х гг., проводимых экономистами, получившими образование в Чикагском университете («чикагскими мальчиками»), и прихода к власти премьер-министра Великобритании М. Тэтчер и президента США Р. Рейгана (конец 1970-х –

начало 1980-х гг.), неолиберальная мысль стала доминировать в политических кругах Запада. Идея государства всеобщего благосостояния, в частности, акцент на внутреннее массовое производство и потребление, основанный на идеях фордизма, были заменены более монетаристским подходом, основанным на реструктуризации и сокращении государственных услуг, а также жестких мерах против профсоюзов. Парадигма развития «сильного государства» во все большей степени сменялась политикой «структурной перестройки», проводимой посредством внешних займов на условиях, диктуемых Всемирным банком (ВБ) и Международным валютным фондом (МВФ). Далее, как правило, следовали такие меры, как ужесточение налогового режима, либерализация торговли, приватизация государственных функций, вступление в ВТО. С момента окончания «холодной войны» неолиберальная экономическая политика, проводимая международными финансовыми институтами, базирующимися в Вашингтоне (ВБ и МВФ), обозначается обычно как «вашингтонский консенсус». С конца 1990-х гг. эффективность «вашингтонского консенсуса» была поставлена под сомнение финансовыми кризисами и ростом социальных движений, что выразилось, например, в приходе к власти в Латинской Америке ряда правительств с явной антинеолиберальной позицией.

Большинство современных критиков неолиберализма взяли в качестве своей цели социальные последствия неолиберальной политики. П. Бурдьё утверждал, что неолиберализм разрушает социальную солидарность как атрибут государства всеобщего благосостояния, что приводит к постоянному состоянию экзистенциальной незащищенности¹. Один из самых влиятельных марксистских критиков неолиберализма, Д. Харви, писал, что неолиберализм – это проект реорганизации капиталистического накопления в условиях экономического кризиса [Harvey, 2005]. Цель неолиберальной приватизации, по его мнению, состоит в появлении новых мест накопления капитала,

что, в конечном счете, послужит восстановлению власти экономической элиты. Фуко в своем анализе неолиберализма показал, что неолиберальные проекты ведут не просто к устранению государственного вмешательства, но открывают новые косвенные формы власти, стремящиеся расширить сферу личной инициативы во всех сферах, поощряя появление самоуправляемых индивидов [Foucault, 2004]. Неолиберализм стал предметом критики и протеста также вне академической сферы. Участники набирающего с 1990-х гг. силу движения против неолиберальной глобализации, организованные в такие группы, как «Всемирный социальный форум», утверждают, что глобализация и усиление неолиберализма посредством организаций, подобных ВТО, усиливают неравенство.

В последнее время активно обсуждается вопрос о влиянии неолиберальной экономической политики и идеологии на сферу науки и технологий. Вышло несколько крупных и широко обсуждаемых ныне работ, данной проблеме был посвящен один из номеров ведущего журнала в области социальных исследований науки «Social Studies of Science». Прошел также ряд конференций, посвященных положению науки в эпоху торжества неолиберализма. Хотя есть существенные различия в том, как неолиберальная идеология была реализована на практике в различных странах и в контексте различных дисциплин, назовем несколько общепринятых положений: снижение государственного финансирования университетов; разделение научной и преподавательской миссии, что привело к росту числа временных преподавательских позиций; размывание института авторства в науке; интенсивное укрепление интеллектуальной собственности в попытке коммерциализировать знание, что препятствует его производству и распространению.

По мнению Ш. Кримски (Sheldon Krimsky), суть обсуждаемого вопроса заключается в том, является ли академическая (читай – фундаментальная) наука общественным благом (public good), которое должно быть рационально спланировано и поддержано социальными ресурсами. Следовательно, необходимо определить, существует ли связь между наукой и экономическим развитием; выяснить, за счет чего лучше всего достигаются научные открытия

¹ Bourdieu P. The Economy of Symbolic Goods. 1998. Цит. по: Neoliberalism (Social Science). URL: <http://what-when-how.com/social-sciences/neoliberalism-social-science/> (дата обращения: 09.02.2012).

как в фундаментальной, так и в прикладной науке – за счет рыночных механизмов или государственного финансирования; узнать, насколько эффективно правительство планирует научные исследования и способствует трансферу их результатов в промышленные технологии. Эти вопросы, пусть не всегда четко заявленные, лежат, по мнению Кримски, в основе политических дебатов о будущем науки².

Ф. Миrowsки (Philip Mirowski), профессор экономики, истории и философии науки в Университете Нотр-Дам, в 2011 г. издал книгу «Наука на рынке. Приватизируя американскую науку» [Mirowski, 2010]³, в которой исследуются фундаментальные вопросы политической экономии науки. Главную цель своей работы автор видел в критичном анализе растущей коммерциализации фундаментальной науки, исследуя исторические и идеологические корни подобной тенденции. Один из его главных аргументом заключается в том, что современная коммерциализация науки, так же как и массовизация университетского образования, – это в первую очередь реализация сценария, выработанного неолиберальными мыслителями. Аргументируя этот тезис, автор использовал как библиометрические исследования, так и результаты исследований науки методами экономической истории, социологии, политической экономии, юриспруденции.

В книге обсуждаются такие темы, как усилия правительства США в области управления научными исследованиями, возникновение интеллектуальной собственности, аутсорсинг науки, коммерческая метаморфоза фундаментальной науки. Отдельная глава работы посвящена так называемому «Акту Бай-Доула», принятому в 1980 г. и давшему университетам, бизнесу и некоммерческим организациям контроль в виде интеллектуальной собственности над открытиями, полученными в результате исследований, финансируемых из *федерального* бюджета. При обсуждении этого «Акта»

Конгресс согласился с идеей, что американский промышленный прогресс сдерживает нерыночный характер научных открытий. Чтобы выгоды от научных открытий были реализованы, закон, по мнению Кримски, перевернул принцип капитализма с ног на голову: принцип «частный риск приносит частные прибыли или частные убытки» превратился в принцип «общественный риск приносит общественные убытки или частные прибыли».

Хотя многие историки рассматривают «Акт Бай-Доула» как поворотный пункт в американской научной политике, который тесно связал университеты с коммерческими интересами, Миrowsки утверждает, что корни академической коммерции лежат глубже; «Акт Бай-Доула» был не единственной и даже не основной причиной усиливающейся коммерциализации американской науки, это – лишь один из компонентов целого ряда примерно одновременных «реформ», разработанных в корпорациях, правительстве и университетах. Следовательно, коммерциализация науки, ослабившая научную гегемонию Америки, является результатом спланированных, скоординированных усилий со стороны тех, кто связан с неолиберальной повесткой дня.

В главе «“Травмирована” ли наука коммерциализацией?» Миrowsки приходит к выводу, что наука действительно пострадала из-за «качественной деградации в характере накопленных знаний». Его критики, в частности Ш. Кримски, соглашаясь с утверждением, что коммерциализация университетов, породившая обостренное внимание к вопросам интеллектуальной собственности, ставшей препятствием на пути свободного потока информации, одновременно настаивают на том, что показатели научного здоровья не так легко измерить. По мнению Кримски, многие университеты (хотя и не все) по-прежнему оценивают кандидатов на занятие постоянных позиций, глядя в первую очередь на то, имеют ли они опубликованные высококачественные статьи в престижных журналах, а не на сумму привлеченных средств. Таким образом, вопрос о том, как конфликт интересов, порожденный коммерческим партнерством с промышленностью, отражается на качестве научных результатов, остается открытым.

Авторы вводной статьи к специальному номеру журнала «Social Studies of Science»,

² Krimsky S. A Neoliberal Economics of Science. URL: <http://www.americanscientist.org/bookshelf/pub/a-neoliberal-economics-of-science> (дата обращения: 12.11.2011)

³ См. также более ранние его работы: [Mirowski, Van Horn, 2005; Mirowski, Sent, 2008].

посвященному анализу трансформации науки в контексте неолиберализма (одним из них был Ф. Мировски), начинают разговор с того, что если XX в. и считается золотым веком науки, науки, свободной от внешнего влияния, то это явно мифическое представление [Lave et al., 2010]. В то же время не подлежит сомнению тот факт, что отношения между публичной наукой и частными коммерческими интересами драматически изменились именно в последние 30 лет, вместе с широкой глобальной тенденцией к неолиберализму, который, частично изменяясь в соответствии со спецификой той или иной страны, меняет методы, организацию и содержание работы во всем глобальном Университете. Учитывая мощное влияние, которое неолиберализм оказывает на науку, и растущее внимание к неолиберализму со стороны социальных наук, удивительно (и это обстоятельство авторы неоднократно подчеркивают), что исследователи науки и технологий пока не уделили ему достойного внимания. Не исключено, что это могло стать следствием отказа от традиционного, идущего от Мертона, разделения между внутренними и внешними влияниями на науку, но в эпоху неолиберальной политики к такому разделению необходимо вернуться.

По мысли авторов, актуальность концепта неолиберализма для исследований науки продиктована глубокой трансформацией механизмов производства и организации знаний. В рамках перехода к рыночным отношениям неолиберальная политика в области науки основывается на поощрении частных инвестиций для проведения исследований, партнерстве университетов и промышленности, укреплении интеллектуальной собственности и уменьшении государственного финансирования. В более глубоком смысле неолиберализм материализует образ идеальной экономики как «рынка идей»; другими словами, каждая успешная неолиберальная экономика – это экономика знаний. Фундаментальная роль рынка, в соответствии с неолиберализмом, не просто обмен вещей, но, скорее, обработка и транспортировка знаний или информации. И это положение имеет самые серьезные последствия для организации и практики науки.

Возражая отдельным исследователям, полагающим, что наука всегда была предана

своим покровителям («всегда был коммерческой») и, следовательно, характер таких покровителей не особенно важен, а значит, неолиберализм – это просто различие в интенсивности, а не в содержании, авторы статьи в «SSS», напротив, утверждают, что современные особенности способов управления и финансирования науки оказывают специфическое и глубокое воздействие на характер научного производства. Наука всегда могла иметь экономическую и политическую зависимость, но характер этих зависимостей менялся. В США, например, после Второй мировой войны произошел переход к милитаризованной организации и финансированию науки, с упором на вопросы образования и отказом от государственного финансирования, которое характеризовало фундаментальную науку Америки в течение первой половины столетия.

Режим управления наукой времен холодной войны обеспечивал устойчивое субсидирование научных исследований через исследовательские гранты; государство также поддерживало демократизацию образования, обеспечивая стипендии, и настаивало на открытом распределении результатов научных исследований. Превосходство в науке считалось ключевым элементом национальной безопасности, военно-промышленный комплекс был распорядителем средств и покровителем публичных исследований. Усиление неолиберальных методов управления наукой с 1980-х гг. означало курс на коммерциализацию и приватизацию знаний, обусловивших изменения в организации и практике науки. Самый очевидный сдвиг – это сокращение государственного финансирования в публичных исследовательских университетах; именно тогда частные расходы на научные исследования в США превзошли федеральное финансирование впервые за несколько десятилетий.

Американские корпорации, вкладывая средства в целевые исследования, заключая контракты с исследовательскими организациями и университетскими учеными, способствуют недостатку финансирования, поскольку в публичных университетах сокращаются субсидии на государственном уровне. Если университеты все чаще идентифицируют себя в качестве поставщиков человеческого капитала, а не учебных заведений, готовящих из студентов будущих граждан, то становится все труднее гаран-

тировать общественную поддержку субсидируемого государством высшего образования. Университетам не остается ничего другого, как искать частные средства, дабы компенсировать сокращение государственных субсидий. Но чем сильнее университет оказывается втянутым в рыночную деятельность, тем меньше у него шансов добиться государственной поддержки, что приводит к приватизации де-факто американской системы государственных университетов. По подсчетам авторов вводной статьи, перед началом глобального финансового кризиса размер государственных взносов в бюджеты ведущих публичных исследовательских университетов Америки колебался на уровне около 20 %; в период кризиса даже такой ничтожный вклад сократился. Как отмечали многие аналитики, неолиберальный пересмотр роли высшего образования является частью усилий превратить университеты в одну из составляющих глобальной конкурентной сферы услуг. Университеты в настоящее время призывают стать более похожими на корпорации, продукция которых – «информация» и «человеческий капитал», а студенты являются всего лишь «клиентами». Еще немного – и государство сможет снять с себя всю ответственность за обеспечение образования.

Другой эффект коммерциализации: нарушение фундаментального принципа университета Гумбольдта рассматривать преподавание и научные исследования как взаимодополняющие виды деятельности. Если цель науки – производство знаний, приводящее к получению прибыли, то преподавание становится вторичной функцией. На практике многие университеты активно избавляются от штатных преподавателей, набирая временных преподавателей, а также постдоков. Так, в 2005 г., согласно данным Национального центра статистики в сфере образования, на более чем 48 % преподавательских позиций в американских колледжах, получавших федеральное финансирование, преподаватели работали неполный рабочий день или были внештатными.

Влияние неолиберального режима управления наукой выразилось также в агрессивном продвижении и защите прав интеллектуальной собственности в надежде получить коммерческую выгоду от владения знаниями. Доказано, что существует тесная связь между неолиберальным взглядом на рынок как

центр обработки информации и ростом убеждения, что знания могут и должны превратиться в товар. Между тем, как показали несколько последних исследований, для подавляющего большинства вузов патентование обернулось финансовыми потерями, поскольку это дорогостоящая процедура. Коммерциализация знаний путем патентования скорее идеологически эффективна, чем экономически практична [Biddle, 2011].

Патенты – это даже не самый важный компонент быстро расширяющейся сферы защиты интеллектуальной собственности. Более важным стало принятие соглашения о передаче материалов (МТА), ставшего инструментом контроля над коммерческими эффектами передовых исследований. МТА влияет на научную практику посредством включения в контракты статей о конфиденциальности и различных оговоренных заранее ограничений на публикацию или иное разглашение результатов. Более того, эффект контроля усугубляют так называемые «сквозные положения», которые позволяют финансирующей организации претендовать на любую интеллектуальную собственность, которая может возникнуть в ходе будущих исследований. Такие положения замедляют, а иногда блокируют как отдельные научно-исследовательские проекты, так и передачу знаний между учеными. Проведенные среди американских ученых исследования показали, что соглашения о передаче материалов являются все более распространенным препятствием в практике науки [Moore et al., 2011].

Неолиберализм имеет широкий диапазон воздействия на научную практику и организацию, притом что наиболее ярко его эффекты описаны на примере биомедицины и биотехнологий: патентование, взаимоотношения государства и корпораций, частное финансирование публичной науки. Но, и это хорошо видно на примере статей, опубликованных в специальном номере «Social Studies of Science», такие эффекты ощущаются далеко за пределами биологических исследований, проникая в науки об окружающей среде, метеорологию, юриспруденцию⁴.

⁴ Авторы статьи особо отметили то обстоятельство, что в ответ на предложение присылать материалы для этого номера журнала редакция получила десятки

В каждом описанном сюжете показано, что наука все больше производит непосредственно на заказ, а ученые пытаются выработать такие методы и организационные формы проведения исследований, которые позволили бы соответствовать новым экологическим и юридическим требованиям рынков; необходимость их удовлетворения приводит к тому, что продукты науки начинают рассматриваться как нечто свободное от ценностей. Попытка сохранить внешнюю святость «Науки» сопровождается поощрением коммерциализации связей ученых и администраторов в практических вопросах. Неявным, но важным эффектом коммерциализации стала дискуссия о том, что принимается в качестве значимого результата исследований: все большую роль здесь играют не традиционные механизмы науки, а степень соответствия потребностям рынка. Одним из примечательных следствий этого стало сужение фокуса исследований, приоритет тех результатов, которые легко измерить и подсчитать.

Хорошо показано, что целый ряд государственных органов были основной движущей силой в продвижении рыночных решений и внедрении неолиберального режима науки. Речь идет о попытках государства внедрить в университетах и исследовательских лабораториях неолиберальный порядок путем поощрения частного финансирования для общественных исследователей; в частности, правительство Великобритании активно поддерживает коммерциализацию судебной медицины или приватизацию метеорологии. Таким образом, именно государство зачастую играет ключевую роль в расширении неолиберальной политики в области научной практики и управления. Стоит запустить процесс коммерциализации, и наука становится все легче приватизировать путем расширения прав интеллектуальной собственности, корпоративной (и университетской) тайны, развития конкурентной, а не основанной на сотрудничестве науки.

Существующие исследования позволяют утверждать, что эффекты влияния неолибе-

ральной политики на управление, организацию и результаты в сфере науки многообразны. Среди них следует назвать:

- изменение источников и объемов финансирования, организации научных исследований и преподавания;
- изменение интеллектуального и коммерческого статуса научного знания;
- укрепление института интеллектуальной собственности и связанное с этим укрепление курса на коммерциализацию знаний, что приводит к трансформации самого процесса их производства и распространения;
- растущую дифференциацию в доступе к продукции приватизированной науки.

Перед исследователями науки стоит насущная задача проведения детального анализа того, как именно неолиберализм трансформирует технологии и науку в рамках той или иной национальной модели науки. Решение такого рода задачи потребует, естественно, не только нового набора исследовательских вопросов, методики и методологии в целом, но также более тщательного анализа того специфического политико-экономического контекста, в котором существует научное сообщество. Для современной российской науки это чрезвычайно актуально.

Список литературы

Biddle J. Bringing the Marketplace into Science: On the Neoliberal Defense of the Commercialization of Scientific Research // *Science in the context of application* / Eds. M. Carrier, A. Nordmann. Springer, 2011. P. 245–269.

Foucault M. The Birth of Biopolitics. Palgrave Macmillan, 2004.

Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.

Lave R., Mirowski Ph., Randalls S. STS and Neoliberal Science // *Social Studies of Science*. 2010. Vol. 40 (5). P. 659–675.

Mirowski Ph., Sent E.-M. The Commercialization of Science and the Response of STS // *The Handbook of Science and Technology Studies* / Eds. E. J. Hackett, O. Amsterdamska, M. Lynch, J. Wajcman. Massachusetts Institute of Technology, 2008. P. 635–689.

Mirowski Ph. SCIENCE-MART: Privatizing American Science. Harvard Univ. Press, 2010. 454 p.

текстов, посвященных неолиберальному воздействию на целый ряд отраслей науки, начиная с рыболовства и заканчивая социологией.

Mirowski Ph., Van Horn R. The Contract Research Organization and the Commercialization of Science // *Social Studies of Science*. 2005. Vol. 35 (4). P. 503–548.

Moore K., Kleinman L., Hess D., Frickel S. Science and Neoliberal Globalization: A Politi-

cal Sociological Approach // *Theory and Society*. 2011. Vol. 40 (5). P. 505–532.

Материал поступил в редколлегию 22.03.2012

A. M. Ablazhey

THE CONCEPT OF NEO-LIBERAL SCIENCE IN WESTERN SOCIAL THOUGHT

The article describes the key features of neo-liberalism as a political economy and ideology that have received the priority development in the western countries at the end of XX century. Drawing on recent studies of western social thinkers the author sets out the key elements of the model of science conditioned by neo-liberalism. It is concluded that there is a pronounced conflict between the classical (Mertonian) and neoliberal conceptions of science.

Keywords: neoliberalism, science, commercialization, transformation.